

А.И.Ефимов
КИРА ФЛОРЕНСКИЙ

В мае 1985 года состоялось совместное заседание Комиссии по разработке научного наследия академика В.И.Вернадского и секции истории естествознания Московского общества испытателей природы, посвященное памяти Кирилла Павловича Флоренского — «последнего ученика» Владимира Ивановича. Собравшиеся друзья и ученики Кирилла Павловича делились воспоминаниями об его жизни и трудах. Повторю свои тогдашние слова.

В 20-х – начале 30-х годов мне доводилось довольно часто встречаться с ним в Сергиевом Посаде, в семье художника Владимира Андреевича Фаворского и в доме Павла Александровича Флоренского (с ними поддерживали тесные связи мои родители — художники Нина Яковлевна и Иван Семенович Ефимовы). Кирилл с детства дружил со своим сверстником, сыном В.А.Фаворского, Никитой, в будущем замечательным художником. В период, о котором говорю, мы — Кирилл, Никита и я — весело и бурно играли в «казаки-разбойники» на романтических крепостных стенах Троице-Сергиевой Лавры, бродили зимой и летом по окрестным лесам.

На портрете кисти Нины Яковлевны Ефимовой Кирилл изображен в 1929 году. Художница, по-моему, очень точно передала целеустремленность, осознанное любопытство энергичного мальчика, всматривающегося в открывающийся перед ним мир и познающего его.

Конечно, мы много разговаривали. О чем? А вообще — о чем болтают мальчишки? Обо всем! Но запомнилось твердое впечатление, что высказывания Кирилла обычно имели свой глубокий «подтекст», т. е. в казалось бы обычных, привычных вещах, явлениях он искал их основной, первичный смысл. Такого, например, типа: «Почему под лыжами снег скользкий и скрипит?» или — «Зачем у незабудки шесть лепестков, а у ромашки — много?» И мне, старшему в компании, увы, нечего было ответить Кириллу по существу. Но, вероятно, он этим не огорчился, так как знал, что дома ему все расскажет отец, который всегда говорил, что любой, самый сложный теоретический вопрос настоящий ученый должен объяснить так, чтобы даже ребенок все понял.

В более старшем возрасте Кирилл брал нас с собой на раннюю весеннюю охоту. Не помню, чтобы у него были особые трофеи, но зато было умение слушать таинственное пение глухарей в холодном аромате пробуждающейся

природы, способность восхищаться розовым сиянием куста расцветшего волчьего лыка, выхваченного из мрака леса первыми лучами восходящего солнца.

Я помню выступление Кирилла Павловича в январе 1982 года в Абрамцевском художественном Музее-заповеднике на заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Павла Александровича Флоренского (он, как член Государственной комиссии по охране памятников культуры, очень много сделал для сохранения Абрамцева как музея в 20-х годах). Кирилл Павлович говорил о философии отца так точно по существу, так емко и глубоко по содержанию, так смело и красиво по форме, как, по-моему, мало кто мог бы сказать. О Естествоиспытателе начала XX века говорил Естествоиспытатель конца этого века.

Через десять лет, в августе 1995 года, мне посчастливилось посетить в Сергиевом Посаде дом Павла Александровича, в котором прошли детство и юность Кирилла... Странное ощущение возникло у меня при этом: яркие образные воспоминания о давным-давно прошедшем времени иногда полностью перекрывали то, что видел реально сейчас, через 60–70 лет, прошедших после тех незабываемых двадцатых–тридцатых годов... Днем, после посещения храмов Лавры, мы (жена, дочь, внучка и я) подходим к дому №19 по Пионерской (бывшей Дворянской) улице, которая недалеко от самой Лавры. Около этого дома улица резко, очень круто, спускается в долинку речки Кончуры. Обочины улицы зеленеют травкой, а проезжая ее часть покрыта асфальтом, по которому часто проносятся вверх–вниз шумные автомобили...

А я памятью ясно вижу эту улицу двадцатых годов зимним вечером. Она в сугробах, немощенная проезжая часть ее еле намечена; редко-редко проедут по ней крестьянские дровни с сеном или дровами, пройдет женщина с саночками, на которых укреплен кадушка (за водой-то вон куда надо спускаться!).

На самом начале крутого спуска, как раз около крыльца дома №19, вижу себя в веселой компании ребяташек-сверстников. Тут и Кира, и Оля Флоренские, и Никита (мой племянник), их друзья. Мы с саночками разных «моделей», в большинстве — они кустарной работы, деревянные, но ходкие. Я завладел такими, усаживаюсь поплотнее. Поеду один. Вдруг ко мне на колени плюхается Кирилл, а сзади вцепляется в плечи шестилетняя Олечка, хохочет, дышит теплом мне в затылок. Летим вниз, в темноту...

— С дороги! Эй!

Никита, лежа на саночках, обгоняет нас, пересекает путь, и мы все уже весело барахтаемся в снегу.

— Еще разок?

— Конечно!

Не вижу Васи Флоренского. Он — «старший», более «умственный», наверное учится. Сверху, с крыльца, слышим чей-то голос:

— Дети! Домой!..

На крылечке, справа от двери — деревянная ручка на проволоке — потянешь — вдали раздастся мелодичный звон колокольчика (сейчас-то здесь пластмассовая кнопка электрического звонка). А над дверью еще висит до сих пор жестяной указатель «Пионерская ул. №19, влад. П.А.Флоренский».

Я вспоминаю, что на том заседании в 1985 году было вынесено пожелание: «Увековечить память К.П.Флоренского созданием мемориальной доски на доме, где он родился и вырос». Теперь здесь установлена бронзовая мемориальная доска с надписью: «В этом доме жил с 1915 по 1933 год русский ученый и мыслитель священник Павел Александрович Флоренский». Это — Истина, дом великого ученого, великого страдальца Земли Русской, дом главы талантливой *семьи* Флоренских. Семья...

Входим в длинный коридор, в крохотную переднюю. Затем — в гостиную с большим светлым окном, смотрящим на колокольню Лавры. Все в комнате такое, как было тогда. Перед иконами — огонек лампадки. На стенах — портреты предков и отца Павла. Пианино с открытой клавиатурой. Уютный диван. А! Вот и портрет, написанный мамой в 1925 году в кабинете отца Павла. Все такое же, как было более полувека назад. Нет! Не все! На диване отдыхает — Ольга Павловна Трубачева — Олечка Флоренская. Болеет. Как сходна ее добрая улыбка с всегдашней улыбкой ее матери — добрейшей, мудрой, смелой и тихой Анны Михайловны...

И снова видения памяти закрыли современное. Разгоряченные после снежной горки, врываемся мы сюда, к столу, за которым у кипящего самовара сидит улыбающаяся Анна Михайловна. Она утихомиривает нас, рассаживает. Дверь в кабинет Павла Александровича открывается, пахнуло чем-то ароматным (ладан? смолы?). Выходит отец Павел в белом подряснике, улыбается. Делает какой-то знак Кириллу, который, сдерживая гордую улыбку, выходит вперед, к иконам и громко, четко произносит молитву. Отец Павел

благословляет трапезу. Едим, болтаем о чем-то; отец Павел какими-то своими репликами, неожиданными вопросами направляет нашу беседу на интересную тему.

И вот уже говорит он один. Интересно рассказывает, понятно, хотя и необычно. О чем? О древних мифах? О русской сказке? О знакомом ученом? О выставке картин? Не помню тему, но помню захватывающее впечатление от речи.

— Вот ведь как! Я и не думал, не понимал! А теперь — как просто!

Вася и Кира смело задают вопросы отцу, он им убедительно, просто и кратко отвечает...

А теперь мы, побеседовав с Ольгой Павловной, Сергеем Зосимовичем (муж Ольги Павловны), просим разрешения пройти в кабинет. Он недавно отремонтирован с сохранением всего облика его. Темные книжные шкафы, иконы, фотографии античных скульптур, посмертная гипсовая маска лица деда Киры Александра Ивановича Флоренского, портреты семьи. Вот и Кирилл выглядывает из темноты, это — его портрет, написанный Ниной Яковлевной.

Мысленно ставлю рядом с ним портрет Никиты, написанный ею же в 1938 году (хранится в семье М.В.Фаворской-Шаховской). Два друга, одноклассники, учились в одном классе. Настоящие друзья. С большим внутренним сходством, хотя внешне — различные. Кирилл — быстрый, энергичный, а Никита — медлительный, вроде бы даже «сонный», но на самом деле так же остро видящий, спокойно и бесстрашно принимающий решения. Оба они отказались в 1941 году от «брони», пошли на фронт. Никита погиб в том же году, защищая Москву, Кирилл дошел до Германии...

Сейчас вспоминаю, что вероятно в 70-х годах, в этом вот кабинете Кирилл задавал мне интересные вопросы о возможном физическом состоянии воды в горных породах, слагающих планеты, а я, по профессии геолог-мерзлотовед, был слишком «затехничен» вечной мерзлотой Земли и не мог соответствовать Кириллу в его философских размышлениях об особенностях Космоса...

Выходим в садик. В нем сохранились некоторые приметы тех далеких времен: качели между выросшими деревьями, крылечко террасы. Оно было постоянным местом детских игр, дружеских бесед и семейных фотографий.

Сюда доносился и доносится перезвон часов величественной колокольни Троице-Сергиевой Лавры.

Дом №19 по Пионерской улице наполнен Жизнью и современной, и давно прошедшей. Мемориальный, т. е. — Памятный, дом семьи отца Павла Флоренского.